

Во дворе лежал дикий фазан, перевязанный полоской ткани, на вид полуживой. Чжоу Сяолэ с любопытством посмотрел на него пару раз: дикий фазан совсем не походил на домашнюю курицу, с длинными хвостовыми перьями он скорее напоминал птицу.

Чжоу Сяолэ потрогал хвостовые перья и сказал:

— У этого фазана перья ещё и переливаются. Красивый.

— В горах много таких фазанов, — сказал Сюй Гуань, видя, что он тянет руку. — Осторожнее, не дай ему клюнуть. Силы у дикого фазана немало.

Чжоу Сяолэ просто никогда прежде не видел такого и заинтересовался; потрогав пару раз, он убрал руку. Заметив, что волосы Сюй Гуаня всё ещё мокрые, он подтолкнул его пойти найти ткань и вытереться. Пусть сейчас и светило солнце, но деревня была окружена горами, и утренний ветерок всё равно нёс прохладу; долго сидеть с мокрой головой было нехорошо.

Сюй Гуань налил Чжоу Сяолэ чашку воды и пошёл за тканью, а Чжоу Сяолэ сел во дворе, подпёр щёку рукой и начал клевать носом. Сегодня они не выходили торговать. Несколько дней назад он хотел запустить «набор чай и фэнь», но, к сожалению, сил и условий не хватало для такого шага. Он думал несколько дней и так и не придумал, как это сделать, зато Сюй Гуань сказал, что у него есть способ. Чжоу Сяолэ даже лоток не стал выставлять и поспешил прийти к Сюй Гуаню.

Когда Сюй Гуань вернулся, он принёс ещё и рисовые лепёшки. Чего-чего, а рисовых лепёшек у него дома было вдоволь: каждый раз, когда он ходил в городок продавать дичь, приносил обратно большой мешок рисовых лепёшек, и их хватало надолго. Иногда он тоже готовил, но о собственном кулинарном мастерстве Сюй Гуань и сам не решался говорить хорошо. Надоедали рисовые лепёшки - он готовил сам; поест приготовленного и пожалеет - идёт на охоту, возвращается и жарит мясо.

Мясо он жарил очень неплохо, жаль только, что жареное мясо нельзя есть каждый день.

— Это... завтрак, — Сюй Гуань снова налил Чжоу Сяолэ воды и невнятно добавил: — Но с водой есть будет лучше...

Вообще-то Чжоу Сяолэ уже позавтракал, но раз Сюй Гуань принёс, можно было и ещё раз поесть. Только... эта лепёшка была слишком сухой: один кусок лепёшки - три глотка воды. Сюй Гуань каждый день ел такое?

Чжоу Сяолэ с трудом проглотил, запивая водой, и спросил:

— Ты этим наедаешься за счёт воды или за счёт лепёшки?

Сюй Гуань покраснел; даже рука, которой он вытирал волосы, остановилась. Он, запинаясь сказал:

— Эта... эта лепёшка долго хранится.

И только потому, что лепёшка может лежать несколько дней и не портиться, он покупал её и ел каждый день?

— Ты обычно не готовишь?

— Го... готовлю, просто редко. Моё кухонное умение... — выражение лица у Сюй Гуаня стало тонко-странным, и на губах появилась неловкая улыбка. — Лучше уж есть лепёшки.

«...»

На самом деле эта рисовая лепёшка не была невкусной, просто слишком сухой. Если размочить её водой прямо во рту, набить живот можно без проблем. Только есть такое каждый день... Чжоу Сяолэ решил, что терпения у Сюй Гуаня и правда много. Лепёшек, которые долго хранятся, бывает немало, а он покупал только эти и даже не думал менять вкус.

Чжоу Сяолэ сказал:

— Может, до свадьбы будешь приходить ужинать ко мне? Завтрак и обед из-за дел приготовить не всегда получится, но ужин можно. Пусть даже каша с овощами, всё равно лучше, чем каждый день жевать эти рисовые лепёшки.

— Я и не каждый день их ем... — Сюй Гуань подсознательно хотел отказаться, но куда ни падал взгляд, он всё видел тот маленький кусок рисовой лепёшки в руке Чжоу Сяолэ. И сам не понимая почему, всё-таки кивнул и согласился.

Доев рисовую лепёшку, Чжоу Сяолэ вдруг почувствовал, что обедать уже не понадобится. С тех пор как он пришёл сюда, редко когда ел досыта, а сейчас, видимо, лепёшка попала в желудок, там ещё плескалась вода, и от этого она разбухла ещё сильнее.

Что ни говори, чувство сытости давала мощное.

— Повернись.

Сюй Гуань не понял зачем, но послушно повернулся. Он не знал, что собирается делать Чжоу Сяолэ, и только когда подушечки пальцев скользнули по коже у него на шее, запоздало понял: Чжоу Сяолэ помогает ему расправить волосы.

По коже мгновенно побежали мурашки.

Утреннее солнце было неярким, но грело тело мягко и тепло; даже лёгкое дыхание будто становилось горячее, обжигая уши до алой красноты.

Голос прозвучал за спиной:

— Если будешь тереть так, как только что, натрешь себе взрыв на голове*.

(ПП: образно «у тебя волосы дыбом встанут»)

Взрыв на голове? Сюй Гуань подумал: и правда вот-вот взорвётся, с треском и хлопками.

Во дворе нужно посадить несколько деревьев, иначе от солнца человеку тревожно, да и голая пустота выглядит некрасиво. Вон тот деревянный столб тоже стоит неудачно: когда людей станет больше, о него легко споткнуться. Может, ещё нужно соорудить навес из лозы, чтобы прятаться в тени?

Возможно, можно сделать качели. Сквозь неясное щебетание ему будто слышались детские голоса. Детские голоса? Дети?

— Всё, ещё немного посидишь на солнце - и высохнут.

Сознание мгновенно вернулось на место. Сюй Гуань понял, что успел надумать множество всякой ерунды, и даже не знал, куда деть руки и ноги. Он, прикрывая неловкость, отпил воды и сказал:

— Спасибо.

Чжоу Сяолэ расправил полотенце и повесил сушиться на перекладину, с силой встряхнул его вниз, растянул в стороны, повозился туда-сюда и только потом обернулся с совершенно обычным выражением лица.

— Пустяки.

Только взгляд он тоже не решался поднять. Когда делал, не думал ни о чём таком, а увидев напряжённые плечи Сюй Гуаня, только тогда вспомнил, что это вообще-то неловко.

Во дворе стояла тишина, и птичьи крики слышались особенно ясно. Дикая фазан рядом то ли проснулся, то ли очнулся от боли, вдруг подпрыгнул и тем самым разом привёл в чувство двоих, которые не решались смотреть друг на друга.

— Кхм... — Чжоу Сяолэ сухо кашлянул и выдавил слегка натянутую улыбку. — Ты раньше говорил, что у тебя есть способ построить навес. Что за способ?

— А? Угу... — Сюй Гуаню понадобилось немного времени, чтобы прийти в себя, и только потом он сказал: — Насчёт навеса можно обратиться к старосте, попросить его найти людей и вместе поставить его в городе. Дерево есть в глубоких горах, я могу отвести людей нарубить. Столы и стулья можно сделать из бамбука: в той бамбуковой роще бамбук крепкий и гибкий, для столов и стульев как раз подойдёт.

— За материалы платить не придётся, только за работу. Ты готовишь еду, так что можешь ещё кормить работников. Без еды плата за день - тридцать вэней, с едой - двадцать. Навес поставить - самое большее два дня. Столы и стулья займут дольше, но если людей будет много, за три-пять дней тоже можно закончить.

— Больше всего ты беспокоишься, что после того, как навес будет поставлен, столы и стулья украдут. На самом деле можно поговорить с хозяином чайного лотка и хранить их вместе с его вещами. Хозяин чайного лотка с тобой сотрудничает, думаю, он не откажет.

Сюй Гуань редко говорил за один раз такую длинную речь, и это было удивительно. Но его слова имели смысл. Столы и стулья можно было сделать в деревне, а потом отвезти в город, а материалы для навеса, столов и скамеек были прямо в горах.

Когда чайный лоток закрывался, хозяин сначала складывал столы и стулья, потом вынимал деревянные рейки навеса, накрывал всё тканью и придавливал деревом. Дождя так можно было не бояться. За столько лет у чайного лотка ни разу не украли столы и стулья, значит, у хозяина наверняка были какие-то связи или способы. Если он согласится хранить их вместе, это сэкономит немало усилий.

— Бамбуковые столы и стулья... Не знаю, есть ли в деревне кто-то, кто умеет их делать...

Сюй Гуань сказал:

— Можно спросить у старосты. Заодно попросить его найти людей для постройки навеса.

Чжоу Сяолэ хлопнул ладонями и радостно сказал:

— Хорошая мысль! Пойдём, обсудим со старостой.

Он схватил Сюй Гуаня и потянул наружу. Сюй Гуань от рывка едва не споткнулся и поспешно удержал Чжоу Сяолэ за руку:

— Я... я сначала соберу волосы.

— Прости... я забыл. Иди, я здесь подожду.

Когда Сюй Гуань вошёл в комнату, Чжоу Сяолэ поднял руку, обхватил запястье, за которое тот только что держался, спрятал его за спину и прошёлся туда-сюда пару шагов. Лишь когда жар на лице немного спал, он остановился.

Деревня была окружена горами и водой. Дома выстроились вдоль реки в один ряд, через дорогу стояло ещё несколько; где-то между дворами оставалось большое расстояние, где-то они теснились рядом друг с другом. Посередине рос огромный старый баньян, которому было уже больше сотни лет. Обычно дом старосты находился в центре деревни, но в Цяньлю дом старосты стоял западнее, ещё глубже в стороне. По этому можно было понять, что предки старосты были одними из первых, кто поселился в деревне.

По дороге к дому старосты они проходили мимо дома Чжоу Дэжуна. После того как Чжоу Сяолэ пришёл в себя, он ещё ни разу не бывал в этой части деревни. В памяти прежнего владельца тела Чжоу Дэжун считался в деревне зажиточным человеком, а Ван Гуйчжэнь даже могла носить в волосах золотую шпильку. Хотя шпилька была всего лишь позолоченной, слой золота на ней всё-таки имелся. Дом выглядел старым, но двор был обнесён стеной из жёлтого глиняного кирпича, а по обе стороны входа висели фонари.

По дороге они видели, что фонари висели только у их дома, и от этого он выглядел чуть лучше остальных. Семья была небедной, а всё равно целыми днями думала, как бы урвать выгоду у глупого племянника и больной племянницы. Волчье сердце и собачьи лёгкие - жестокие и бессовестные.

Они только подошли к воротам, как те как раз открылись, и изнутри вышел человек. В правой руке он держал большую коробку для еды, в левой - ведро с водой; и дверь открывал, и закрывал он ногой.

Увидев Чжоу Сяолэ, Чжоу Юн на мгновение застыл, потом посмотрел на Сюй Гуаня рядом и догадался, что они лишь проходят мимо. Он кивнул в знак приветствия:

— Лэ-гэр, куда идёшь?

В памяти прежнего владельца тела Чжоу Юн не был ни хорошим, ни плохим. Сам он прежнего Чжоу Сяолэ не обижал, а когда видел, что его задирают деревенские, даже помогал. Просто Чжоу Юн в семье не пользовался любовью. Когда прежний владелец тела, избитый Чжоу Дэжуном и Ван Гуйчжэнь, искал у него защиты, он тоже не осмеливался выйти вперёд и остановить их; чаще всего лишь скованно стоял рядом и смотрел. Если бы он вмешался, боялся, били бы ещё сильнее. Поэтому для прежнего Чжоу Сяолэ Чжоу Юн порой был очень добр, а порой очень холоден.

Но в глазах нынешнего Чжоу Сяолэ Чжоу Юн всё равно считался одним из немногих, кто был добр к прежнему владельцу тела.

— Нужно зайти к старосте по одному делу, — у Чжоу Сяолэ было неплохое впечатление о Чжоу Юне, к тому же в прошлый раз в родовом храме тот помог ему словом. Раз Чжоу Юн заговорил с ним, он тоже не стал отвечать холодно. — А ты, второй брат Юн?

Чжоу Юн знал, что Чжоу Сяолэ недолюбливает его родителей, и только сказал:

— Иду на поле отнести еду. Раз у Лэ-гэра есть дела, скорее иди занимайся. Я сначала отнесу.

— Хорошо, иди.

Чжоу Юн кивнул и направился к полям.

Хотя Чжоу Юн был мужчиной, телом он был худощав, ростом лишь немного выше гэра, и внешность его не была такой жёсткой и мужественной. Если бы не отсутствие красной родинки на мочке уха, по одному виду его можно было бы принять за гэра.

Глядя на его спину с тяжёлой ношей, Чжоу Сяолэ подумал: жизнь Чжоу Юна в доме Чжоу Дэжуна была лишь чуть лучше, чем у прежнего владельца тела, и то только потому, что он был родным сыном.

Дом старосты было легко узнать: у ворот стоял навес, похожий на то место, где в пору полевых работ для деревенских записывали земельный налог. Сейчас был не сезон жатвы, и под навесом лежало немного сухой травы. Двор был обнесён оградой из деревянных кольев, дом стоял посередине, а между оградой заднего и переднего двора была установлена решётчатая калитка - всё примерно как у других семей. Во всей деревне только дом Сюй Гуаня был сложен из серого кирпича, крыт черепицей, да ещё и со стенкой-ширмой внутри ворот.

Чжоу Сяолэ легко мог представить, как выглядел дом Сюй Гуаня сразу после постройки: вокруг, должно быть, толпились люди в три слоя снаружи и внутри. Так что в этой стенке-ширме был свой смысл.

Чжоу Сяолэ крикнул:

— Староста дома?

— Кто там? — изнутри донёсся голос. Вскоре фулан старосты вышел из дома, в руке у него было ведро. Увидев Чжоу Сяолэ и Сюй Гуаня, он удивился.

Он поставил ведро, подошёл открыть ворота и сказал:

— Староста на огороде за домом. Я позову его, а вы пока посидите во дворе.

Сказав это, он пошёл на задний двор и, стоя за оградой, крикнул:

— Эй, отец семейства, Лэ-гэр пришёл, скорее возвращайся!

Едва прозвучали эти слова, как послышалось громкое старосты:

— Иду!

Фулан старосты не стал ждать, пока тот вернётся, а сперва сходил на кухню, взял чаши и налил Чжоу Сяолэ и Сюй Гуаню по чаше воды.

— Выпейте воды. Староста сейчас придёт.

<http://bllate.org/book/17639/1703258>